

ГУД БАЙ, АМЕРИКА!

РАССКАЗ

Обе ее дочери живут в Америке. Вполне счастливо и благополучно.

Во всяком случае, именно так все выглядело на фотографиях, которые старуха получала на Рождество и в день своего рождения.

В последний раз старуха видела своих девочек (сорока и сорока пяти лет нынче) шесть лет назад. Как раз перед их отъездом в ту самую Америку.

Теоретически — ее могла взять с собой Элла. Или Нелли.

Но у Элочки такое слабое здоровье, и она так долго не могла выйти замуж, все чего-то ждала, искала, ошибалась, пока наконец не встретила своего художника, очень капризного и своенравного, — нет, лучше уж не путаться под ногами.

Муж старшей, Нелли, хирург, терпеть не мог тещу. Хотя слова грубого никогда не сказал — воспитанный человек. И промолчал бы, уступив Нелли, — как пить дать. Да только Нелли совсем не улыбалась перспектива тащить престарелую мать в страну, в которой у самих еще все вилами по воде писано.

В общем, никто ничего не предложил.

Никому оказалась не нужна старуха за семьдесят в новой американской жизни, где предстоит землю грызть зубами, чтобы чего-то добиться. И не просто чего-то, а вполне прочного американского благополучия.

Продали родительский дом, выручив очень хорошую сумму, нашли опекуна для старухи (возни оказалось много, а куда деваться, если не уедешь, просто и быстро сдав родительницу на руки государству, — требуется ответственное лицо, в случае чего берущее на себя все хлопоты по организации похорон и оформлению соответствующих бумажек) — приличного, немолодого, бывшего профессора, сложили в два чемодана мамочкины пожитки, наняли грузовичок, погрузили комодик и сервантик из красного дерева, помахали ручками на прощание, обещались звонить и через полгода взять маму на побывку недельки на две.

Поначалу старуха ждала, часто плакала, стоя у окна. Волновалась, когда открывалась дверь или раздавался телефонный звонок. Дело кончалось скачущим вверх давлением, сердечными приступами и капельницами.

Ничего, обсуждали сироту-старуху медсестры, повидавшие на своем профессиональном веку такого, что скулы сводило, стерпится, привыкнет, а потом, глядишь, из ума выживет — тогда уж ей и вовсе пополам будет...

Медсестры оказались правы: года через полтора старуха плакать перестала, сердечные приступы закончились, а вместо «Спокойной ночи» весело отвечала персоналу: «Гуд бай, Америка!»

Медсестры вежливо улыбались, за дверью же крутили пальцем у виска.

Старуха почти до рассвета лежала без сна, а когда закрывала усталые глаза, из которых катились произвольные старческие слезы, видела своих девочек совсем еще маленькими и нежными. И любила их, и желала им здоровья и благополучия, как желает каждая мать своим детям, даже если эти дети последние паразиты.

В восемьдесят старуха перестала выходить на прогулки в парк, спускаться к завтракам, обедам и ужинам в ресторан на первый этаж, спокойно преодолевая двадцать ступенек вниз и столько же вверх — в свою комнату на втором этаже, окнами в лес.

Теперь она любовалась пейзажем, сидя в инвалидном кресле, поскольку ноги перестали держать легкое и сухое тело старухи.

В определенные часы приходила медсестра — узнать, не хочет ли старуха сходить по-маленькому или по-большому.

Хотя знала: спрашивать бесполезно.

Каждый раз оказывалось или слишком рано — памперс еще сухой, или слишком поздно — приходилось менять и трусы, и юбку, и колготки. Медсестры злились, а старухе хотелось плакать от стыда: странно, но она совсем не чувствовала необходимости пописать раз в два или в три часа, как должно быть, если верить медсестрам. Она вообще больше не чувствовала своего тела. Но разве можно понять это в тридцать, сорок или пятьдесят лет?!

Старуха не любила, когда медсестры появлялись в ее комнате. Ей хотелось остаться одной. Даже мокрой с головы до ног. Лишь бы никто не мешал.

Говорят, молодость коротка. Не успеешь оглянуться, как пройдет.

Коротка — это факт. И пройдет — оглянуться не успеешь.

Хорошо еще, что в старости остается достаточно много времени, чтобы успеть шаг за шагом, минуту за минутой, мгновение за мгновением вспомнить все случившееся до этой самой старости, когда кроме воспоминаний просто уже больше ничего действительно нет.

Старуха вынимала из комодика красного дерева большую коробку с фотографиями — главное ее сокровище, хотя в комодике имелись и другие: десяток старинных ожерелий из черного и розового жемчуга — доставшихся в наследство от бабушки, перстни с бриллиантами, подаренные мамой, бывшей замужем за процветающим адвокатом, и несчетное количество золотых и серебряных колец, изготовленных мужем.

Муж был ювелир. И не просто ремесленник какой — таких на свете пруд пруди, а — художник. И каждое колечко — как песня. Хоть сейчас в музей.

Нелли и Элла как-то заикнулись: что ж ты, мама, все одно носить тебе уже не придется колечек этих, поделила бы между нами, все-таки мы тебе дочери.

Вот помру, отрезала старуха, для девочек своих готовая, впрочем, жизнью пожертвовать, тогда и делите, до смерти все при мне останется — как память о вашем отце.

Искореженными и плохо гнущимися пальцами старуха перебирала снимки-воспоминания: вот она еще до замужества со своим возлюбленным.

Неужели это правда он? Этот красивый, черноволосый, обаятельный?

Неужели это ему она поставила в церкви свечу почти двадцать лет назад? И никак не могла поверить, что можно в шестьдесят с небольшим, ни разу не сходяв ни с одной жалобой к врачу, вдруг взять и умереть от рака.

Неужели это правда она?

В белом платье в парке на скамейке, вся в солнечных бликах, улыбается черноволосому молодому мужчине, надевшему ей на безымянный палец серебряное колечко. После парка они пошли гулять в поле. Шуршали кузнечики, невидимые в густой траве.

Жизнь назад, а она до сих пор помнит его нетерпеливые влюбленные руки, свою растрепавшуюся рыжую косу и испачканное зеленью травы платье. Единственное выходное платье. Он так расстроился, а она смеялась: просто тряпка, что жалеть? Есть вещи в мире подороже!

Неужели это правда ее девочки?

Десятилетняя Нелли с пятилетней Эллочкой у витрины магазина детских игрушек. Уже тогда можно было заметить суровинку в глазах старшей, оказавшейся способной, повзрослев, пройти по головам даже самых близких, лишь бы добиться своего. Уже тогда в беспомощности и болезненности младшей обнаруживалась сила, которой она не раз умело пользовалась впоследствии.

Неужели это правда они?

Она разглядывала их общий с мужем снимок — пятнадцатилетие семейной жизни. Глянцевая фотография размером двадцать на восемнадцать блестит на комодике: ей тогда исполнилось сорок пять, мужу — сорок шесть.

Старуха помнит, как после застолья, когда уже разошлись гости, а дети спали, они пошли в жарко натопленную баньку, выстроенную мужем за три всего месяца, как вдруг она застеснялась после пятнадцати-то лет семейной жизни его обжигающего взгляда, как залюбовалась загоревшими руками, как, прижавшись к нему, поняла — молодости осталось всего ничего, но еще есть время, чтобы ощутить всю оглушительную по силе горячую прелесть радости этой единственной жизни.

Старуха сидит в застиранной желтенькой кофточке у окна, потом начинает медленно кататься в инвалидной коляске по комнате из угла в угол, из стороны в сторону.

Заглядывает медсестра, ироничный взгляд ее красноречив: вот идиотка старая, состряпала физиономию, будто дело у нее какое важное.

Сама идиотка, думает старуха.

А дело у нее действительно есть. И притом — неотложное.

Старуха ищет свою смерть, но нигде не может найти ее.

Она открывает тяжелые дверцы платяного казенного шкафа, в котором лежат куцые подушки, желтые и зеленые памперсы. Желтые рассчитаны на день, зеленые — на ночь.

В шкафу ее нет.

В серванте тоже пусто — не считая нескольких ваз и чайного сервиза, купленного старухой перед самым переездом в дом для престарелых.

И в ванной комнате обнаруживается вполне ожидаемое: полотенца, сложенные в стопочку, матерчатые мочалки, тюбики с кремами и притирками для папирусной старческой кожи.

Старуха ищет свою смерть. Но нигде не может найти ее.

Даже за окном.

Там — серый промозглый день, черные ветви деревьев, остатки ноздреватого пористого снега между сизых корней розовых кустов.

Но и это — жизнь. Потому что придет весна.

Старуха снова вынимает коробку с фотографиями — может, смерть там, где воспоминания?

Почувствовав усталость, старуха подъехала совсем близко к кровати, перебрала легкое тело на матрас, застеленный белоснежным казенным бельем, опустилась закружившуюся голову на подушку, а потом заснула.

И нашла ее.

Молодость глянецом блестела на комодике.

Дочери на похороны не приехали: что за глупости, тратить деньги и тащиться в такую даль только для того, чтобы бросить горстку земли на крышку гроба. Подумаешь — ритуал...

Старшая дочь факсом отправила опекуну хранившуюся в ее деловых бумагах опись всех украшений старухи, перевела деньги на покупку билета.

Вечером, после похорон, опекун вылетел в Америку и доставил наследникам все драгоценности в целостности и сохранности.

А вот фотографии профессору так и не удалось найти, хотя младшая дочь очень настойчиво просила привезти и не забыть — будет что показать американским друзьям. Американцы, как выяснилось, крайне почтительно относятся к родственным связям, так что фотографии из семейного альбома не помешают.

Но коробка оказалась пустой.

Кому нужны фотографии постороннего человека?

И главное — кто и когда?

Случаев воровства в доме для престарелых еще не бывало.

Тактичный профессор насчет невероятности краж промолчал, имея в виду исчезнувшее с безымянного пальца старухи тоненькое серебряное колечко, а вот недоумение по поводу «кто позарится на фотографии» разделил с медсестрами целиком и полностью.

Это ж чужие воспоминания, кому они нужны?

И они действительно никому не нужны.

Поэтому старуха забрала их с собой.